

«ВСТРЕЧНЫЙ, ТЕБЕ СВОЁ СЕРДЦЕ НЕСУ !...» (к 115-летию со дня рождения Переца Маркиша)

Иосиф Лахман

*- О Вечность! Я на твой поруганный порог
Иду зарубленный, убитый, бездыханный.
Следы злодейства я, как мой народ, сберёг,
Чтоб ты узнала нас, взглядевшись в эти раны...*

Перец Маркиш

Прежде чем начать разговор о жизненном и творческом пути Переца Маркиша (1895 – 1952), хотелось бы привести несколько высказываний о нём выдающихся русских поэтов.

Сергей Есенин в 1922 году писал: «От лица их (еврейской. – И.Л.) литературы мы имеем несколько имён мировой величины...» Касаясь современной ему еврейской поэзии, Есенин отмечал, что она выдвинула ряд молодых поэтов «с довольно красивыми талантами от периода Гофштейна до Маркиша».

Борис Пастернак, в общем-то, не очень жаловавший идиш и литературу на этом языке, тем не менее, высоко ценил творчество Маркиша. В ответ на просьбу вдовы поэта, Эстер, перевести стихотворение Маркиша «Михоэлсу – неугасимый светильник», Пастернак прислал ей письмо с вежливым отказом. Но в том же письме читаем: «Помимо своего художественного значения Маркиш был слишком необыкновенным явлением самой жизни, её улыбкой, её лучом, который прикосновением красоты, радующим знаком ложился всюду, куда он появлялся» (Из письма Бориса Пастернака Эстер Маркиш. 31 декабря 1955 г.).

Мне посчастливилось в последний раз видеть поэта в 1946 г. Таким красавцем, как его рисует Тарковский, он стоит перед моими глазами.

Что же касается поэтического дара Маркиша, которым восхищались Есенин, Пастернак, другие коллеги по перу и миллионы читателей, я постараюсь проиллюстрировать его примерами творчества, к сожалению, не в оригинале, а в переводах. К счастью, Переца Маркиша переводили талантливые русские поэты и переводчики, такие, как Анна Ахматова, Эдуард Багрицкий, Павел Антокольский, Давид Самойлов, Лев Озеров, А. Големба и другие. В лучших их переводах сохранены, насколько возможно, главная суть и чудесная красота оригинала.

***

Перец Маркиш родился 7 декабря 1895 года в местечке Полонное (Волынь, ныне Хмельницкая область, Украина). По семейному преданию, род Маркиша восходит к Испании, из которой далекие предки поэта были изгнаны в 1492 году.

Семья жила бедно. Отец был меламедом (учителем начальной еврейской школы) и, как все люди его профессии, получал гроши за свой труд. Мать зарабатывала тем, что покупала селёдку и продавала её кусочками. В десять лет Перец сбежал из дома, был возвращён и ещё раз сбежал. Жил в Бердичеве, Одессе, Молдавии. Был певчим у кантора, подёнщиком, сборщиком винограда, банковским служащим. Занимался самообразованием.

Стихи начал писать в пятнадцать лет по-русски.

В 1916 году Маркиш был мобилизован в царскую армию и отправлен на фронт. Участвуя в боях с немцами, был ранен. Демобилизовавшись в 1917 г., поселился у родителей в Екатеринославе. В том же году начал печатать стихи и рассказы на идиш в екатеринославской газете. В 1918 г. публикует первый сборник стихов под названием

«Эйгнс» («Родное»), вслед за ним – «Пороги» (1919), «Неприкаянный» (1919), «Шалость» (1919). Этими сборниками Маркиш вошёл в первый ряд современных ему еврейских поэтов.

Уже в первых книгах проявились основные черты творчества поэта. Как писал старший сын Маркиша, Симон, – это была, во-первых, дивная роскошь, щедрость и богатство поэтической образности, богатство, которое, кажется, переливается через край. Во-вторых, модернизм, который в ту пору воспринимался как революционность, разрушение старых, традиционных эстетических и стилистических ценностей. В-третьих, очевидная противоположность модернизму – глубокая укоренённость в национальном прошлом, то есть в традиционных еврейских мотивах и образах.

***

Октябрьскую революцию поэт встречает с искренней радостью. Стихи, написанные в первые послереволюционные годы, дышат юношеским восторгом и оптимизмом. Вот несколько строф из стихотворения «Вставай, заря!», опубликованного в 1919 году:

На низком встал пороге я
И вскинул парус свой...
Прощайте, дни убогие,
И здравствуй, мир живой.
Нас всюду встретят гавани,
Есть всюду глубь и высь...
Лети ж, кораблик, в плаванье,
С причала оторвись!
Вставай, заря, меня вести,
Всех жаждущих пои!
Нас ждут в высокой зависти
Ровесники мои...

Чудесно звучат и лирические стихи, созданные в те годы. Вот одно из этих стихотворений – «Ты никогда ещё так не была свежа», в превосходном переводе Анны Ахматовой:

Ты никогда ещё так не была свежа,
Как ранней осенью, почти совсем зелёной,
Вот ветер за тобой погнался, весь дрожа,
И поцелуй сорвал, роняя листья клёна.
Ты пахнешь камышом, продрогшим на ветру,
И спелым яблоком – осенней негой сада!
Я сбитый ветром лист взволнованно беру,
И целовать тебя хочу, моя услада.
Брожу растерянно и что-то бормочу.
Какая в этих днях неслыханная сила!
Мне ветер сердце дал и взял моё. Хочу,
Чтоб ты мне сердце подарила.

В 1918 году в стране начинается гражданская война. На Украине она сопровождается массовыми еврейскими погромами и грабежами как со стороны петлюровцев, денкинецев и многочисленных банд, так и со стороны красноармейцев. Восторженные чувства, владевшие поэтом в первые годы после Октябрьского переворота, погасли. В 1921 г.

Маркиш публикует поэму «Ди купэ» («Куча»), в которой с болью и горечью отзывается на еврейские погромы на Украине. К сожалению, я не нашёл русского перевода этой поэмы. А она заслуживает быть переведённой, чтобы русский читатель полнее представлял себе творческий путь поэта. Я, конечно, не берусь за подобную работу. Приведу лишь свой подстрочный перевод эпиграфа к поэме:

По вам, убитым в Украине,
Где полна вами земля,
И по вам, зарезанным в «Купэ»,
В Городище, городе на Днестре,
Кадиш!

Полный отчаяния, Маркиш в 1921 году покидает страну и в течение пяти лет объезжает шесть стран: Польшу, Германию, Францию, Италию, Испанию, Палестину. Впечатления от посещения каждой страны он отражает в замечательных стихотворениях, таких, как «Рим», «Лондон», «Могила неизвестного солдата» (Париж), «Иерусалим», «Голодный поход» (Варшава).

А на родине тем временем создаются благоприятные условия для литературного творчества на идиш. Не буду вдаваться в мотивы, которыми руководствовались советские власти, широко открыв дорогу литературе и искусству на идиш – они общеизвестны: использовать язык, на котором говорила подавляющая часть еврейского населения Украины и Белоруссии, для пропаганды коммунистической идеологии.

Трудно поверить, что такие талантливые литераторы, как Перец Маркиш, Давид Гофштейн, Лев Квитко, Давид Бергельсон, жившие в эти годы за границей, не понимали, какой дьявольский план кроется за желанием привлечь их к пропаганде и прославлению советского режима. Не настолько они были наивны. Но перевесило огромное желание творить для широкого еврейского читателя, желание публиковаться, общаться с читателями. Немаловажное значение имела также открывшаяся возможность поправить материальное положение: ведущие поэты и прозаики в СССР практически могли жить на гонорары за свои книги.

Следует также отметить, что Маркиш, Квитко, Бергельсон и др., живя за границей, не были настроены против советской власти. Они, кто с большим, кто с меньшим скептицизмом, в общем, положительно относились к переменам, происходившим в Советском Союзе. И все они, конечно, тосковали по родине. Уже через несколько месяцев после отъезда, в 1922 г., в Варшаве, Маркиш говорит в своем стихотворении «Осень»:

Пойду к тебе пешком, о русская граница!
Мне встретятся в дороге голуби с востока.
– Вернитесь, голуби, – на крышах пламя злится,
Я вышиб головой протертые до блеска стекла...

В 1926 году Перец Маркиш вернулся на родину. Он окунается в творческую деятельность, без устали пишет стихи и поэмы – лирические и эпические, сочиняет прозаические произведения, выступает как драматург и литературный критик. Большинство его произведений окрашено оптимизмом и радужными надеждами. Задумчиво звучат его лирические стихи. Но в то же время в ряде стихов поэт говорит, что среда в СССР оказалась совсем не та, о которой мечтал. Уже в 1929 г. в поэме «Белые ночи» звучат такие тревожные ноты:

Здесь, в солнечной этой блаженной стране,
Упасть – так упасть. Так мерещится мне.
День на дворе. И солнце, и свет.
А мой день ушёл. Моего дня нет.

(Перевод А. Ахматовой и Д. Маркиша)

В 30-е годы поэт, наряду с многочисленными лирическими шедеврами, очевидно, желая убедить власти в своей лояльности, создает стихотворения, посвящённые сталинской конституции, Красной армии, комсомолу. Стихи эти, написанные риторически, в духе времени, – сухие, декларативные, мало выразительные. В качестве примера приведу две строфы из «Октябрьских стихов» (1930 г.):

Путь – в гору! Ввысь! Прямее переходы!
День ото дня увереннее шаг!
Мы с лампами на лбах раскалываем годы,
Как антрацит в седых глубинах шахт!..
Мы – молодость страны, мы – в силе и расцвете
И чувствуем себя день ото дня бодрей,
И, стоя на горе в развернутой заре,
Встречаем первое октябрьское столетье!

Как эти стихи отличаются от образных, искренних стихотворений 1918-1919 гг., воспевающих революцию и полных ожиданий светлого будущего!

Одновременно, в эти же 30-е годы, Маркиш пишет «в стол» свою знаменитую поэму «Сорокалетний». По свидетельству младшего сына Маркиша – Давида, за несколько дней до своего ареста, 27 января 1949 года, поэт показал жене пожелтевшие от времени листочки и сказал ей: «Эту поэму я начал писать за границей (в эмиграции), ни одной строчки из неё не напечатано. Что бы ни случилось, её нужно сохранить. Это главное, что я в своей жизни сделал». Любопытно, как была спасена рукопись поэмы. События разворачивались, как в остросюжетном детективном фильме. В роковой вечер 27 января 1949 г. Маркиш упаковал в дорожный портфель вместе с несколькими другими произведениями поэму «Сорокалетний» и передал портфель сестре тётки. Та немедленно вышла из квартиры. Лифт был занят, и она пошла вниз пешком. Лифт остановился на этаже Маркиша, из него вышло семь офицеров. Маркиша увели, сказав, что его вызывает министр на собеседование. Часа через три пришли четверо офицеров и предъявили ордер на арест и обыск.

Вернемся к поэме. В ней Маркиш метафорически, но довольно прозрачно рисует печальную картину советской действительности:

В долине людей возбуждённых не счесть,
Там блещет, как чистое золото, жесь,
Паяцы в толпе возбуждённой снуют
И жесь золотыми зубами жуют.

Комментируя эти строки, Давид Маркиш, переведший поэму на русский язык, пишет, «Долина – советская Россия, обманутая и изнасилованная. Паяцы – большевистские комиссары, гроссмейстеры обмана».

В своей поэме Маркиш признаёт, что и на нем лежит вина за то, что происходит в «гиблой долине», за то, что не воспрепятствовал установлению строя, основанного на лжи и насилии:

К тебе я приду через силу, с трудом,
Нагруженный, отягощённый стыдом.
Тебя я не встречу и кладь не сниму,
И там, у вершины, позор свой приму.

Печатать такие стихи в 30-е годы было, конечно, невозможно. Маркишу удается в 1940 году опубликовать поэму, в которой разоблачается звериное лицо германского фашизма, с которым советские власти заключили в сентябре 1939 года договор о дружбе... Речь идёт о поэме «Танцовщица из гетто». В ней дано блестящее художественное и философское обобщение звериной сути фашизма:

Идёт с секирой истукан,
Несёт порядки новые народам.
Он приволок покойника. Он пьян.
Он как горилла. Он ариец родом.

Маркиш верит, что фашизм с его нечеловеческой идеологией и практикой будет уничтожен. Прекрасно звучат оптимистические строфы поэмы:

Когда-то здесь под грозный гул стихий
Над пляшущей толпой загрохотало
Торжественное слово «Не убий!»
Оно теперь безмолвным страхом стало.
Но не смолкает правды гневный гром,
И мысль не уступает тьме и страху...
Не тот погиб, кто пал под топором,
А тот, кто опустил топор на плаху!
Да будет всем известно наперёд,
Что тьме и страху мысль не уступает...
Герой не тот, кто кандалы куёт,
А тот, кто кандалы свои ломает!

* * *

*

Перехожу к самой трагической странице биографии Переца Маркиша.

Широко известно, что сразу после войны всё явственнее давал себя чувствовать государственный антисемитизм. Евреев часто и открыто изображают и принимают как чужеродных в этой стране. Конечно, не мог этого не видеть и не чувствовать Перец Маркиш. Это чувство обособленности евреев от господствующего окружения с необычайной выразительностью проявилось в коротком тосте, который Маркиш произнёс в своём доме, за своим столом, в первые послевоенные дни. «У нас собрались писатели (на этот раз не еврейские), актёры и с десятков боевых, прославленных генералов: жена одного из них была хорошим другом нашей семьи, – вспоминает Симон Маркиш. – После славной выпивки в честь победы и победителей Маркиш поднялся и сказал: «Я хочу выпить за гостеприимство, которое русский народ проявил и проявляет моему еврейскому народу». – «Да что вы, Перец Давидович! – возразил один из генералов. – Какое там

гостеприимство! Вы – у себя дома!..» Но Маркиш упрямо повторил: «За ваше гостеприимство!»».

Наступил 1948 год. 13 января гебисты зверски убивают председателя Еврейского Антифашистского Комитета Соломона Михоэлса. Хотя власти утверждают, что Михоэлс погиб в автомобильной катастрофе и устраивают пышную церемонию прощания с покойным, никто из родственников и друзей великого артиста не сомневается в том, что Михоэлса убили. Говорить об этом вслух нельзя, можно поплатиться жизнью за «вражескую, антисоветскую пропаганду». Но Маркиш читает у гроба Михоэлса в переполненном зале Московского государственного еврейского театра первые две части стихотворения «Михоэлсу – неугасимый светильник», которые сочинил там же, в театре, на короткое время отлучившись от гроба. Поэт открытым текстом заявляет: Михоэлса зверски убили. Вот эти строки:

Разбитое лицо колючий снег занёс,
От жадной тьмы укрыв бесчисленные шрамы.
Но вытекли глаза двумя ручьями слез,
В продавленной груди клокочет крик упрямый:
- О Вечность! Я на твой поруганный порог
Иду зарубленный, **убитый**, бездыханный.
Следы злодейства я, как мой народ, сберёг,
Чтоб ты узнала нас, взглядевшись в эти раны...

Твою тропу вовек не скроют лёд и снег.
Твой крик не заглушит заплечный кат наёмный,
Боль твоих мудрых глаз струится из-под век.
И рвется к небесам, как скальный кряж огромный.

Перевод стихотворения сделан мастерски А. Штейнбергом. Я уже упоминал о том, что вдова поэта обратилась сначала с просьбой перевести стихотворение к Борису Пастернаку, но тот отказался...

После устранения Михоэлса деятели еврейской культуры почувствовали, что сталинский режим не ограничится одним этим убийством. Все насторожились, хотя никто из них, разумеется, не знал, что в марте 1948 года Министр госбезопасности Абакумов, прекрасно зная отношение сталинской верхушки к «еврейскому вопросу» в стране, обратился в Политбюро и лично к Сталину с обширной запиской о «враждебной антисоветской деятельности еврейского национального подполья в СССР» (Александр Борщаговский. Обвиняется кровь. Москва, 1994, с.76). Тревогой и грустью заполнены стихи Маркиша, написанные в 1948 году. Вот прекрасное стихотворение «Осень», как всегда мастерски переведенное Анной Ахматовой:

Там листья не шуршат в таинственной тревоге,
А, скрючившись, легли и дремлют на ветру,
Но вот один со сна поплёлся по дороге,
Как золотая мышь – искать свою нору.
И сад не сторожат – пусть входит, кто захочет,
Там вихри, холод, дождь, секущий и косою,
И – никого. Печаль одна лишь точит,
Но вдруг жужжанье слух улавливает мой.
Пчела спешит пешком по рыхлому песочку,
Тяжёлым обручем пчелиный сжат живот,

И так она ползёт чрез пень и через кочку,
И судорожно вдруг на голову встаёт,
И крылышки свои вдруг задирает криво,
Как зонтик сломанный, они теперь торчат,
И смерть уже слышна в жужжанье торопливом...
На осень тишина переезжает в сад.

Еще одно замечательное стихотворение, полное грусти и печали, – «Роза»:

Припала к белизне льняного полотна
Недавно срезанная, вянущая роза;
Впервые в жизни спит на скатерти она,
Во власти колдовства, безволия, наркоза.
Ещё не замутнён её прохладный сок,
На горле стебелька не загноилась рана,
Зелёной кожицы стыдливый поясок
С подвязкой круглой схож, надорванной неожиданно.
И так у ней во сне кружится голова,
Как будто вновь её колючий поднял стебель,
И млеет соловей в томленьях волшебства,
И месяц замерцал: как знать, в душе ль, на небе ль?
Но я не соловей! И я тебе верну
Блаженную луну и пламя вечной жизни, –
Я к телу твоему, к шипам твоим прильну:
Не медли, кровь моя, – скорей на землю брызни!

Все ближе и явственнее поэт видит свой «печальный предел», остается только ждать рокового дня. И Маркиш, проживший нелёгкую, но исключительно интересную творческую жизнь, хочет встретить этот день бокалом вина:

Сколько жить на свете белом
До печального предела,
Сколько нам гореть дано!..
Наливай в бокал вино!
Запрокинем к звездам лица –
Пусть заветное свершится!

(Наливай полней! 1948 г.)

Предчувствия поэта, к несчастью, не замедлили сбыться.

Всего через несколько месяцев после зверского убийства Соломона Михоэлса начались аресты виднейших деятелей еврейской культуры – членов Еврейского Антифашистского Комитета. 16 сентября 1948 года забрали Давида Гофштейна, 23 декабря арестовали Ицика Фефера, 24 декабря – Венъямина Зускина, в ночь с 23 на 24 января взяли Давида Бергельсона и Льва Квитко. Это были самые знаменитые деятели еврейской культуры. У Маркиша не осталось никаких сомнений в том, что со дня на день придут за ним. Пришли в ночь с 27 на 28 января 1949 г. Жена поэта, Эстер Маркиш, вспоминает: «Его очень быстро увели, я едва успела попрощаться с ним. В машинке были стихи, которые Маркиш читал на похоронах Михоэлса. И когда гэбисты были у нас в доме, то один из них подошел к машинке, бросил взгляд и говорит: «Так значит, Маркиш считает, что Михоэлса убили... Мы это забираем».

В течение трёх с половиной лет Переца Маркиша, как и всех остальных арестованных по «делу» Еврейского Антифашистского Комитета, следователи беспрестанно мучили, надругались, зверски избивали, сажали на многие дни в карцер, стремясь выбить признания в шпионской деятельности, в передаче на Запад важной секретной информации, в стремлении создать в Крыму еврейскую республику и затем передать Крым американцам... Маркиш решительно отвергал все эти обвинения. Осталось ещё одно обвинение – буржуазный национализм. Некоторые из арестованных с болью в сердце признают за собой эту вину, надеясь, что за подобную «провинность» не приговорят к смертной казни. Перец Маркиш на допросах упорно отказывается признать и это обвинение. Однако, до края измождённый зверскими методами допроса, он однажды делает уступку следователю: «С 1939 года по 1943-й я был председателем еврейской секции Союза писателей и должен признать, что никакой борьбы с националистическими проявлениями в еврейской литературе не вёл...» С какими националистическими проявлениями он должен был бороться? Кто в эти страшные годы смел публично высказывать подобные взгляды? В связи с этим признанием Маркиша Александр Борщаговский, автор замечательной книги «Обвиняется кровь», вспоминает: «Маркиш помнил известные слова К. А. Тимирязева – я услышал их от него в то утро, когда Маркиш сказал мне об аресте Фефера: «Костёр задушил голос Бруно, исторг отречение Галилея, вынудил малодушие Декарта» (А. Борщаговский. Обвиняется кровь, с. 298). Пытками следователя было исторгнуто признание в национализме, но понимаемого Маркишем как любовь к своему народу, к его культуре, традициям.

На суде, который проходил с 8 мая по 18 июля 1952 года, Перец Маркиш преобразился. Как вспоминала единственная оставшаяся в живых подсудимая по «делу» ЕАК академик Лина Штерн, Маркиш выступил на процессе с яркой, взрывчатой речью. Его не прерывали — ведь слушали его только судьи и обвиняемые. А судьи были уверены, что никто никогда не узнает, о чём говорил Маркиш. В своём последнем слове он обвинил своих палачей и тех, кто направил их руку. Это была речь не обвиняемого, а обвинителя. Он решительно отвергает обвинения в национализме и воздаёт должное языку идиш, сыгравшему великую роль в самосохранении нации: «Этот язык, как чернорабочий, поработал на массы, дал им песни, плач. Дал народу всё в его тяжкие годы, когда он жил в оторванности от России в черте оседлости» (последние четыре слова – конечно, вынужденные, когда стоишь перед судьями, которые уже заранее вынесли свой приговор).

Прокурор потребовал, чтобы все подсудимые были приговорены к 25 годам заключения. Такой приговор показался Сталину и его банде слишком мягким, и Военная коллегия Верховного суда пересмотрела его и приговорила тринадцать из четырнадцати обвиняемых к смертной казни. Только Лина Штерн получила пять лет.

В своем обзоре я остановился лишь на одном жанре творчества Переца Маркиша – на его поэзии. Перец Маркиш, прежде всего, – поэт. Но он был великим мастером во всех других жанрах литературы – прозе, драматургии, литературной критике, эссеистике, журналистике.

В заключение хочу отметить следующее. Во времена Маркиша, как и до, и после него, находились люди, пренебрежительно относившиеся к языку идиш. И ныне есть немало таких людей.

Перец Маркиш, как и другие крупнейшие еврейские поэты, прозаики и драматурги, доказали, что на языке идиш можно передавать все оттенки мысли и чувств. В этой связи хочу привести интересную выдержку из статьи известного поэта Льва Озерова: «На языке идиш были созданы шедевры, которые прославили бы любую литературу... Некоторые недоверчиво-скептически настроенные люди сомневались в силе языка идиш. Например,

модный в свое время публицист Карл Радек. Перед тем как идти на спектакль Михоэлса, поставившего шекспировского «Короля Лира» в переводе Самуила Галкина, он рассуждал примерно так: ну, как можно на этом макароническом лоскутном языке передать одну из самых сложных трагедий... Посмотрев спектакль, Радек поместил в «Известиях» статью, в которой писал примерно так: игра Михоэлса и Зускина, декорации и, главное, язык столь убедительны и впечатляющи, будто Шекспир писал на идиш».

Великий поэт Перец Маркиш, как и его собратья по перу, был истинно еврейским поэтом. Как замечает в своих воспоминаниях Симон Маркиш, «Не о своих личных интересах шумели люди в доме Перца Маркиша и не про интересы «многонациональной социалистической родины», а о том, что важно для евреев, еврейской культуры, еврейской судьбы, еврейского будущего».

Пройдут годы, десятилетия и, быть может, столетия, – люди будут наслаждаться замечательной поэзией Перца Маркиша.